

Иран и ШОС: новые перспективы

© Лян Чжэньпэн^{a,c}, Козинец А.И.^{b,d}, 2025

^a Ланьчжоуский университет, Ланьчжоу, Китай

^b Дальневосточный федеральный университет

^c ORCID: 0000-0002-2450-353X; 1263187243@qq.com

^d ORCID: 0000-0002-5658-299X; kozinetc.ai@dvfu.ru

Резюме. В статье анализируются причины и последствия вступления Ирана в Шанхайскую организацию сотрудничества. Подчеркивается влияние системного давления США на внешнюю политику Ирана и его стратегию в Евразии. Несмотря на экономические санкции, Иран находит способы реагировать на вызовы, включая сотрудничество с международными организациями.

Отмечается, что степень давления на Иран менялась при разных администрациях США: минимальная – при Б.Обаме, максимальная – при первой администрации Д.Трампа, умеренная – при Д.Байдене. В зависимости от уровня давления Иран использует свое членство в ШОС для разных целей: при сильном давлении – для укрепления собственной безопасности и получения политической поддержки, при умеренном – для консультаций по вопросам региональной безопасности, при слабом – для продвижения инициатив в сфере безопасности.

Таким образом, взаимодействие Ирана с ШОС отражает его подход к формированию сети дипломатических отношений и может указывать на перспективы международной безопасности на евразийском пространстве.

Ключевые слова: ШОС, Иран, системное давление, международное сотрудничество в Евразии, региональная безопасность в Евразии

Для цитирования: Лян Чжэньпэн (КНР), Козинец А.И. (Владивосток). Иран и ШОС: новые перспективы. *Азия и Африка сегодня*. 2025. № 2. С. 23–32. DOI: 10.31857/S0321507525020039

Iran and the SCO: New Prospects

© Liang Zhenpeng^{a,c}, Andrei I. Kozinets^{b,d}, 2025

^a School of Politics and International Relations, Lanzhou University

^b Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

^c ORCID: 0000-0002-2450-353X; 1263187243@qq.com

^d ORCID: 0000-0002-5658-299X; kozinetc.ai@dvfu.ru

Abstract. The article examines the reasons and consequences of Iran's accession to the Shanghai Cooperation Organization. The influence of systemic US pressure on Iran's foreign policy and its strategy in Eurasia is a highly significant factor. However, despite economic sanctions, Iran finds ways to respond to challenges, including cooperation with international organizations.

The level of pressure on Iran has varied under different US administrations: minimal under B.Obama, maximal under D.Trump, moderate under D.Biden. Depending on the level of pressure, Iran uses its membership in the SCO for different purposes: under strong pressure – to strengthen its own security and obtain political support, under moderate pressure – for consultations on regional security issues, and under weak pressure – to advance security initiatives.

Thus, Iran's interaction with the SCO reflects its approach to the formation of a network of diplomatic relations and may indicate prospects for international security in the Eurasian space.

Keywords: SCO, Iran, systemic pressure, international cooperation in Eurasia, regional security in Eurasia

For citation: Liang Zhenpeng (China), Kozinets A.I. (Vladivostok). Iran and the SCO: New Prospects. *Asia and Africa today*. 2025. № 2. Pp. 23–32. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507525020039

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении последних лет все большее распространение получают практики применения санкционного давления на государства, не желающие следовать концепции так называемого «порядка, ос-

нованного на правилах»¹. В условиях стратегической конкуренции великих держав и формирующейся полицентричности Запад все больше ориентируется на защиту и поддержание своего видения мирового порядка. Это, в сущности, означает использование всего арсенала средств для сохранения своих «правил».

Если государство не действует в соответствии с диктатом вышеупомянутого «порядка», оно подвергается различным мерам воздействия. Опасность и болезненность подобных мер определяется положением инициатора в мировых финансах, глобальных торговых и технологических цепочках, а также в военной сфере. Положение США на глобальной арене фактически превращает оказываемое ими давление в системное, так как меры воздействия (такие как санкции) часто касаются не только двусторонних отношений. Типичным вариантом подобного системного давления являются экономические санкции и сопутствующие ограничения, накладываемые Вашингтоном и поддерживаемые группой лояльных государств. Необходимо учитывать, что из-за различий в восприятии и поведении политических лидеров, особенностей национальной стратегической культуры, нюансов политических систем, а также внутренних социальных процессов государства реагируют по-разному на давление со стороны международной системы.

Особенный интерес в этой связи вызывает способность государств, находящихся под санкциями, находить варианты ответа на возникающие вызовы, в т.ч. путем взаимодействия с региональными международными организациями, сотрудничества со странами-партнерами с целью избежать таким образом наиболее негативных последствий системного давления.

Показательным является пример Исламской Республики Иран, которая оказалась способна к независимому развитию, несмотря на десятилетия политического и экономического давления со стороны Соединенных Штатов, а также на то, что она долгое время находится под международными санкциями, введенными на уровне Совета Безопасности ООН. Находясь под ограничениями разного уровня, Иран успешно выстраивал партнерские связи с разными странами и с некоторыми международными организациями. Одной из них является ШОС.

Иран стал государством-наблюдателем при ШОС в 2005 г. и в 2008 г. подал заявку на вступление, а в 2023 г. получил статус члена ШОС.

Полноправное членство Ирана в ШОС может оказать влияние на подходы организации к вопросам региональной безопасности, расширяет возможный пул рассматриваемых в организации вопросов, а также усиливает вес не только ШОС, но и Тегерана на международной арене. В этой связи уместно рассмотреть, какую роль системное давление, оказываемое на Иран со стороны гегемона в лице США, сыграло в политике Исламской Республики в отношении ШОС и как статус члена организации может повлиять на возможности Тегерана этому давлению противостоять.

ИНТЕРЕС ИРАНА К ШОС В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОГО ДАВЛЕНИЯ СО СТОРОНЫ США В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Активность внешнеполитических действий государства по тем или иным направлениям может зависеть как от внутренних, так и от внешних побудительных мотивов [1, с. 70].

Интенсивность системного давления, масштабы осознаваемых угроз оказывают непосредственное влияние на стратегию поведения государства. На примере Ирана мы видим, как такое давление влияет на взаимодействие испытывающей его страны со странами-партнерами и международными организациями. Наиболее интересен для нас пример взаимодействия Ирана с ШОС и его зависимость от интенсивности внешнего давления.

Наибольшую степень давления на протяжении десятилетий Иран испытывает со стороны США. Во время президентских полномочий Дж.Буша-мл. Иран был включен в список государств «Оси зла». В складывавшейся ситуации Ирану было необходимо налаживать связи с новыми партнерами, чтобы избежать международной изоляции. Как отмечалось выше, Иран стал наблюдателем при ШОС в 2005 г., а в 2008 г. подал заявку на присоединение к организации в качестве полноправного члена. Поэтому рассмотрим, как выглядела политика Тегерана в отношении ШОС начиная с 2008 г., а также ее

¹ Левченко А. «Rules-based international order»: правила «либерального» тона. РСМД. 21.06.2023. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rules-based-international-order-pravila-liberalnogo-tona/> (accessed 15.08.2024)

зависимость от уровня давления со стороны США, оказываемого при администрациях Б.Обамы, Д.Трампа и Дж.Байдена соответственно.

Период президентства Б.Обамы характеризовался определенным улучшением в отношениях Тегерана и Вашингтона [2, с. 5]. С августа 2013 г., когда Хасан Рухани стал президентом Ирана, позиция иранского руководства дала США и Ирану некоторые возможности для возобновления отношений. Рухани однозначно выражал готовность к взаимодействию и переговорам по иранской ядерной программе. К 2015 г., когда было заключено Соглашение по иранской ядерной программе, также известное как «Совместный всеобъемлющий план действий» (СВПД), Иран и США прошли путь от безоговорочного антагонизма до нескольких раундов переговоров при посредничестве Китая, США, Франции и Великобритании.

Соглашение предполагало, что в отношении Ирана будут смягчены и отменены санкции США, Европейского союза и Совета Безопасности ООН, связанные с деятельностью по обогащению урана, после того как МАГАТЭ удостоверится в мирном характере ядерной программы страны. Иран принимал на себя обязательства ни при каких обстоятельствах не разрабатывать и не приобретать ядерное оружие. За Ираном сохранялось право на использование мирной ядерной энергии в соответствии с Договором о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Иран обязался сократить количество имеющихся газовых центрифуг на две трети. Работники в МАГАТЭ получили право в течение 24 дней попасть на иранские объекты, связанные с ядерной деятельностью, в случае фиксации подозрительной активности. Также было принято решение, что реактор на тяжелой воде в г. Эрак в Иране будет восстановлен и будет использоваться только в мирных целях [3].

В результате заключения «ядерной сделки» Вашингтон смог продолжить смещение стратегического фокуса с Ближнего Востока на Евразию и АТР, а также в большей степени уделять внимание своей политике сдерживания Китая и России.

Более умеренный подход (по сравнению с эпохой Буша-мл.) правительства США к политике в отношении Ирана во время администрации Обамы вызывал серьезную озабоченность у союзников США на Ближнем Востоке. Так, израильский Кнессет делал все, что было в его силах, чтоб помешать Ирану развивать ядерные технологии, невзирая на возможные последствия. Премьер-министр Израиля Б.Нетаньяху считал ядерную сделку с Ираном, которую поддержала администрация Обамы, исторической ошибкой. Произраильские политики и группы интересов оказывали давление на Конгресс США с целью остановить имплементацию положений ядерной сделки. Известный американский ученый-международник Дж.Миршаймер отмечает, что фактор израильского лобби не только влияет на риторику кандидатов в президенты США во время избирательной кампании, но в целом оказывает значительное влияние на внешнюю политику Вашингтона, особенно на ближневосточном направлении [4, с. 4].

Первая половина 2010-х гг. была также периодом активизации Тегераном линии на сближение с ШОС, а также двустороннего сотрудничества с Москвой и Пекином. Идеи многополярного мира, классических интерпретаций суверенитета, недопущения роста влияния внерегиональных сил стали объединяющим фактором в отношениях Ирана с Россией и Китаем. Ранее стремление президента Ирана М.Ахмадинежада вступить в ШОС было частью его грандиозного внешнеполитического подхода под названием «смотри на Восток», основой которого было укрепление отношений с азиатскими и латиноамериканскими державами, чтобы компенсировать ухудшение отношений Ирана с Западом². В отличие от своего предшественника, президент Х.Рухани придерживался курса, направленного на реализацию многовекторной внешней политики и сбалансированные отношения как с Востоком, так и с Западом [5].

Приход в Белый дом Дональда Трампа стал новым этапом системного давления против Ирана. Политика администрации Трампа в отношении Ирана характеризовалась давлением высокой интенсивности на Тегеран. Ключевые задачи администрации Трампа в отношении Ирана включали предотвращение создания Ираном ядерного оружия, ослабление влияния Исламской Республики на Ближнем Востоке, поддержание свободы судоходства в Ормузском проливе и защиту региональных партнеров Вашингтона, таких как Израиль и Саудовская Аравия. Стратегия национальной безопасности США, изданная при Трампе, гласила, что Соединенные Штаты намерены бороться с терроризмом на Ближнем

² *Hamidreza Azizi*. Does Iran need to join Shanghai Cooperation Organization? <https://www.al-monitor.com/originals/2016/07/iran-shanghai-cooperation-organization-sco-accession.html#ixzz8RrmGUSfH> (accessed 12.02.2024)

Востоке, проводить политику сдерживания Ирана, защищать интересы национальной безопасности Израиля и рассматривают Иран как значимую угрозу для Соединенных Штатов³.

Администрация Трампа отказалась от переговорных форматов в отношении ядерной программы Ирана, сделав упор на политику сдерживания. 8 мая 2018 г. президент Трамп объявил о выходе США из СВПД, аннулировав «ядерную сделку». Санкции против Ирана были восстановлены.

Повышенный уровень давления со стороны США еще до разрыва СВПД стимулировал дипломатические усилия Ирана на евразийском направлении. В частности, новый импульс получили отношения с Нью-Дели. Президент Рухани посетил Индию в феврале 2018 г. В ходе визита было принято совместное заявление – «На пути к процветанию через расширение взаимосвязанности». Стороны подписали 13 меморандумов о взаимопонимании⁴.

Санкционное давление, оказываемое с 2014 г. США и странами ЕС против Российской Федерации в связи с воссоединением Крыма с Россией, способствовало усилению взаимного интереса к развитию сотрудничества Москвы и Тегерана.

В этот же период стали развиваться отношения Ирана с КНР. Ухудшение отношений Пекина и Вашингтона, в т.ч. из-за ситуации в Южно-Китайском море, подтолкнули КНР к развитию партнерских отношений с ключевыми государствами Евразии. Одним из таких важных партнеров для Китая стал Иран.

Таким образом, усиление давления со стороны державы-гегемона в лице США дополнительно стимулировало сотрудничество Ирана с ключевыми державами евразийского пространства. Развитие двусторонних отношений с Россией и Китаем как в политической, так и экономической областях, открывало Ирану путь к вступлению в ШОС⁵.

После прихода Д.Байдена в Белый дом он выступал за возвращение к иранской ядерной сделке и пытался продвинуть решение иранской ядерной проблемы путем переговоров, вернувшись к основным положениям СВПД. Председатель Стратегического комитета по международным отношениям Ирана Харрази отметил, что Иран не будет ни с кем вести переговоры о своей ракетной программе и региональной политике, потому что это означает «капитуляцию», и Вашингтону и Тегерану трудно вести прямой диалог вследствие недоверия Ирана к Соединенным Штатам.

Иранское руководство в очередной раз обозначило, что развитие ракетных технологий является внутренним делом Ирана, важным вопросом национальной безопасности, по которому не могут вестись какие-либо переговоры⁶. С 2021 г., учитывая мнения обеих партий в Конгрессе США и новые требования региональных союзников, администрация Байдена пыталась выйти из тупика в иранском вопросе. Однако следует отметить, что администрация Байдена в целом старалась минимизировать количество обязательств Вашингтона и не распылять ресурсы на ближневосточном направлении [6, с. 35]. Возникновение очередного регионального конфликта не входило в планы Вашингтона, занятого выводом своих вооруженных сил из Афганистана. Поэтому было очевидно, что единственный способ выйти из этого тупика и способствовать урегулированию иранской ядерной проблемы – это переговоры.

К марту 2022 г. состоялось уже 7 раундов переговоров. Накануне 8-го администрация Байдена сделала значимый шаг, освободив от санкций иностранные компании, взаимодействующие с Ираном в области энергетики, и позволив Ирану участвовать в международном сотрудничестве по использованию ядерной энергии в невоенных целях. Администрация Байдена в своей стратегии по Ирану применяла средства давления и переговорные инструменты, хотя последние использовались опосредованно.

В отличие от времен Д.Трампа, администрация Байдена неоднократно выражала уважение к СВПД. Отличительной чертой в этот период была коллективная работа по ядерному вопросу с европейскими партнерами. Однако сохранение санкционного режима вокруг Ирана не позволило сложившейся ситуации измениться кардинально. Не желая распылять свои ресурсы, Вашингтон на этом этапе старался поддерживать баланс сил на Ближнем Востоке, полагаясь в вопросе сдерживания Ирана на региональ-

³ National Security Strategy of the United States of America. <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 12.02.2024)

⁴ India-Iran Relations. https://www.indianembassytehran.gov.in/eoithr_pages/MTY (accessed 15.04.2024)

⁵ How Iran's Membership in SCO May Work in Interest of Several Key Players. <https://sputnikglobe.com/20160624/iran-sco-membership-1041888554.html> (accessed 21.04.2024)

⁶ 伊朗不会就导弹计划和任何人谈判 [Иран не будет ни с кем вести переговоры по ракетной программе]. 人民政协网. 10.04.2016. <https://www.rmzxb.com.cn/c/2016-04-10/760119.shtml> (accessed 15.04.2024)

ных союзников – Израиль и Саудовскую Аравию. Таким образом, фундаментально проблема в американо-иранских отношениях не решалась, Иран по-прежнему находился под системным давлением, что способствовало укреплению связей Тегерана с евразийскими державами, входящими в ШОС.

В процессе преодоления негативных последствий западных санкций вступление Ирана в ряды полноправных членов ШОС можно считать значимым успехом, а также негативным событием для коллективного Запада⁷. Членство Ирана в ШОС является символом наступления нового международного порядка в Евразии⁸. На саммите ШОС в Самарканде в 2022 г. президент Раиси заявил, что ШОС может помочь не допустить торжества одностороннего подхода США к международным отношениям и решить проблемы, созданные американскими санкциями⁹.

Что вступление Ирана означает для самой ШОС? Иран возглавляет шиитская исламская теократия, и он находится в американском списке государств – спонсоров терроризма. Тем не менее в условиях растущего великодержавного противостояния расширение членства и наличие Ирана «на борту» позволяет ШОС проводить комплексную политику в макрорегионе¹⁰. В расширенном составе ШОС обладает всеми необходимыми ресурсами, чтобы играть важную роль в глобальной архитектуре, способствовать развитию взаимовыгодного сотрудничества государств на евразийском пространстве [7].

До начала массовых антиправительственных протестов 2022–2023 гг. иранские лидеры работали над тем, чтобы минимизировать международную изоляцию своей страны путем официального членства в ШОС. Согласно официальному государственному информационному агентству, иранские официальные лица по-прежнему утверждают, что официальное вступление в ШОС принесет для страны политические и экономические выгоды. С точки зрения самой ШОС, участие Ирана может быть полезным для отношений организации с исламским миром. Однако, учитывая влияние международных санкций и других форм давления, которые только усилились после подавления протестов в Иране, этот шаг может не привести к радикальным изменениям, по крайней мере в краткосрочной перспективе¹¹.

На выработку стратегии поведения государства в условиях внешнего давления существенное влияние оказывает внутривластная среда и особенности устройства национальной политической системы. Профессиональные и психологические качества политических лидеров, национальная стратегическая культура, отношения между правительством и обществом, внутренние политические институты играют роль опосредующих переменных в процессе реагирования страны на системное давление. Соответственно, разные страны будут по-разному реагировать на политику и реализовывать ее из-за вмешательства этих факторов.

Более сложная внутренняя политическая среда принятия решений, полная сложных механизмов сдержек и противовесов, часто не позволяет государству уверенно следовать выбранной внешнеполитической линии и достигать поставленных целей. Так, либеральным демократиям западного типа часто приходится менять линию внешней политики или же отказываться от наиболее оптимальных решений, принимая во внимание ограничения, накладываемые внутривластной ситуацией. Принятие нужных, но непопулярных решений часто ведет к плачевным последствиям для правительства в рамках следующего избирательного цикла. Политическая система Ирана в этом отношении отличается высокой степенью ригидности.

Центральной фигурой иранской политической системы является Рахбар, т.е. Высший руководитель, определяющий общую линию государственной политики. Он обладает полномочиями координировать общую структуру принятия решений, одобряя или же накладывая вето на все важнейшие решения. Главным коллективным органом принятия решений в области национальной безопасности является Высший совет национальной безопасности Ирана. Решения совета вступают в юридическую силу после утверждения Высшим руководителем. В обязанности совета входит определение приоритетов по-

⁷ Iran's Gains From SCO Membership. *Financial Tribune*. October 9, 2021. <https://financialtribune.com/articles/domestic-economy/110632/iran-s-gains-from-sco-membership> (accessed 19.04.2024)

⁸ Collaboration of Iran with Russia, China, and the members of the Shanghai Cooperation Organisation can create new powers. *Pāyegāh-i Etlā' Rassānī-i Sayyid Ibrāhīm Ra'īsī*. October 5, 2022. <https://raisi.ir/news/5336/> (accessed 18.04.2024)

⁹ Ayatollah Raisi at the 22nd summit of the Shanghai Cooperation Organization leaders. *Pāyegāh-i Etlā' Rassānī-i Sayyid Ibrāhīm Ra'īsī*. September 16, 2022. <https://raisi.ir/5237> (accessed 15.04.2024)

¹⁰ Iran to gain Central Asia clout with entry into SCO security club. *Nikkei Asia*. September 17, 2021. <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Iran-to-gain-Central-Asia-clout-with-entry-into-SCO-security-club> (accessed 21.04.2024)

¹¹ Iran and the Shanghai Cooperation Organization. <https://carnegieendowment.org/sada/88427> (accessed 24.04.2024)

литики национальной безопасности в соответствии с общими рамками, установленными Высшим руководителем; координация политической, социальной, культурной и экономической деятельности, связанной с общей политикой национальной безопасности, а также использование материальных и нематериальных ресурсов страны для реагирования на внутренние и внешние угрозы.

Оборонная доктрина Ирана определена министром обороны как стратегическое сдерживание. Иранским властям свойственно использование строгой и жесткой риторики в отношении потенциальных держав-недоброжелателей [8]. Вопросы суверенитета являются ключевыми для Тегерана, в этой связи иранская активность в ракетной и атомной сферах может рассматриваться как сопротивление гегемонизму Соединенных Штатов и подъем чувства национального достоинства в Иране [9].

На основании вышеизложенного можно сделать ряд выводов об изменениях в подходах Ирана в отношении ШОС с учетом системного давления разной степени интенсивности.

В условиях *слабого системного давления* (период Обамы) Иран рассматривает ШОС как активного проводника своего видения международной и региональной безопасности.

В условиях *интенсивного системного давления* (период первой администрации Трампа) Иран рассматривает ШОС как площадку для завоевания доверия международного сообщества и укрепления собственной безопасности, платформы, способной оказать политическую поддержку в рамках поиска ответа на проблемы, вызванные активным давлением США и группы лояльных им государств.

В условиях *умеренного системного давления* (период Байдена) Иран рассматривал ШОС как консультативную площадку для обсуждения проблем безопасности, таких как региональный терроризм, пограничные споры, а также для снижения непредсказуемости рисков своей национальной безопасности.

НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ИРАНА СО СТРАНАМИ ШОС

Иран очень заинтересован в укреплении партнерских отношений с ведущими державами ШОС. Китай и Россия, как постоянные члены Совета Безопасности ООН, могут оказать поддержку Ирану в международных делах и усилить голос Ирана в решении региональных и международных проблем. В целом значимость ШОС в обеспечении стабильности в Евразии в расширенном составе возрастает [10, с. 77].

В условиях интенсивного системного давления (которое вновь может наступить при второй администрации Д.Трампа) Иран, возможно, будет демонстрировать враждебно настроенным силам высокий уровень своих отношений с Китаем и Россией. Основными вариантами такой демонстрации будут более частые встречи на высоком уровне с Китаем, Россией и другими членами ШОС, а также проведение совместных военных учений [11, с. 39].

При этом нельзя исключать вероятность, что кооперация в области безопасности со странами ШОС может развиваться и в рамках военно-технического сотрудничества. Китай, Россия и Иран могут сотрудничать в области борьбы с терроризмом и поддержания стабильности, сопровождения судов на морских торговых путях. Безусловно, для реализации подобных перспектив ШОС необходимо пройти через выстраивание системы принятия решений в контексте общей географии и приоритетов сотрудничества организации. Вполне логичным вариантом может стать переход к принципу принятия решений большинством голосов участников при решении актуальных вопросов, стоящих перед организацией, при сохранении принципа консенсуса, когда речь идет о решении стратегических и долгоиграющих вопросов [12].

Политика давления, проводимая США против России (расширение НАТО, беспрецедентные по своим масштабам санкции) и Китая (политика «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона»), сближает Москву и Пекин с Тегераном. Сотрудничество с Китаем, Россией и другими странами ШОС в сфере торговли, энергетики и инфраструктуры может помочь Ирану стабилизировать социально-экономическую обстановку, добившись большей социально-экономической стабильности. Например, в 2021 г. Китай согласился инвестировать \$400 млрд в Иран в течение 25 лет в обмен на стабильные поставки нефти для обеспечения своей растущей экономики в соответствии с масштабным соглашением об экономике и безопасности¹².

¹² <https://www.nytimes.com/2021/03/27/world/middleeast/china-iran-deal.html> (accessed 18.05.2024)

Подобные меры поддержки помогут Ирану в освоении энергетических ресурсов, приведут к росту масштабов нефтегазовой промышленности, повысят уровень занятости населения. Уже сейчас можно говорить о достигнутых успехах в сфере энергетического сотрудничества. Например, во время визита президента Владимира Путина в Тегеран в июле 2022 г. Россия и Иран подписали соглашение о сотрудничестве в области нефти и газа на \$40 млрд¹³. Перспективным направлением может стать также сотрудничество по созданию межбанковской платежной системы, способной заменить международную расчетную систему *SWIFT*, в которой доминируют США. Стоит помнить и о том, что Иран рассматривает Россию как значимого партнера и за последние годы приобрел ряд видов российского вооружения¹⁴. Подписание Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве подчеркнуло стратегическую значимость российско-иранских отношений¹⁵.

Укрепление двусторонних отношений с другими государствами – членами ШОС также важно для Тегерана. Одной из сфер взаимодействия может стать развитие транспортной инфраструктуры, такой как железные дороги, автомагистрали и морской транспорт. Иран и Индия заинтересованы в установлении стратегического партнерства, надеясь продвигать сотрудничество в области экономики, энергетики и транспортной инфраструктуры. Иран, Россия и Индия географически близки, что может способствовать эффективному сотрудничеству в трехстороннем формате. Например, Иран и Индия достигли долгосрочного соглашения о развитии порта Чабахар¹⁶. 13 мая 2024 г. в Тегеране Иран и Индия подписали 10-летний долгосрочный контракт на эксплуатацию порта Чабахар, позволяющий Индии эксплуатировать остров Чабахар в Оманском заливе у юго-восточного побережья Ирана. Соглашение обеспечивает Индии доступ к Афганистану, Центральной Азии и России, поскольку первый глубоководный порт Ирана – Чабахар – рассматривается как стратегический узел для Международного транспортного коридора «Север – Юг», разработанного Нью-Дели, Тегераном и Москвой в качестве альтернативы маршруту Аден – Суэцкий канал¹⁷.

Направления сотрудничества между Казахстаном и Ираном постоянно расширяются. В Астане состоялось 18-е заседание Межправительственной комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству между Казахстаном и Ираном, формулируются планы сотрудничества в различных сферах¹⁸. Объем торговли демонстрирует тенденцию к росту. Товарооборот между Казахстаном и Ираном за 2022 г. вырос на 19,8% по сравнению с предыдущим годом и составил \$528 млн¹⁹. Главы двух государств поставили задачу по достижению трехмиллиардного рубежа в торговле между Казахстаном и Ираном²⁰. Данные о торговом обороте Казахстана с внешним миром в 2023 г. показывают, что товарооборот между Тегераном и Астаной вырос более чем на 4%²¹.

В то же время сотрудничество между Ираном и Узбекистаном также находится на подъеме. В июне 2023 г. президент Мирзиёев посетил Тегеран. Это был первый визит главы узбекского государства в Иран более чем за 20 лет. Кроме принятых в рамках визита 15 документов на уровне правительств, ведомств и регионов, президенты Мирзиёев и Раиси подписали совместное заявление об укреплении двустороннего сотрудничества. Речь идет о соглашениях в сферах торговли, транспорта, фармацевтического производства, страхования, технологий и сельского хозяйства²².

¹³ <https://m.gmw.cn/baijia/2022-07/19/1303052273.html> (accessed 12.02.2024)

¹⁴ Iran & Russia: Burgeoning Military Ties. <https://iranprimer.usip.org/blog/2023/may/18/iran-russia-burgeoning-military-ties> (accessed 15.04.2024)

¹⁵ См.: <http://kremlin.ru/supplement/6258> (accessed 19.01.2025)

¹⁶ Iran, India reach long-term agreement on Chabahar port's development. <https://english.news.cn/20240115/26c57434749b4363a16984ca73980ff5/c.html> (accessed 15.04.2024).

¹⁷ <https://am.sputniknews.ru/20240513/indiya-podpisala-s-iranom-dolgosrochnoe-soglasenie-ob-upravlenii-portom-chabakhar-75691762.html> (accessed 23.04.2024)

¹⁸ Казахстан и Иран обсуждают создание совместной компании в сфере торговли и сельского хозяйства. Официальный информационный ресурс Премьер-министра Республики Казахстан. 27.01.2023. <https://primeminister.kz/ru/news/kazakhstan-i-iran-obshchdayut-sozdanie-sovmestnoy-kompanii-v-sfere-torgovli-i-selskogo-hozyaystva-270838> (accessed 15.04.2024)

¹⁹ Деловые круги Казахстана и Ирана определили сферы перспективного сотрудничества. *QazTrade*. 27.06.2023. <https://qaztrade.org.kz/rus/delovye-krugi-kazakhstana-i-irana-opredelili-sfery-perspektivnogo-sotrudnichestva/> (accessed 25.04.2024)

²⁰ Казахстан и Иран намерены увеличить взаимный товарооборот до \$3 млрд. Официальный информационный ресурс Премьер-министра Республики Казахстан. 04.12.2023. <https://primeminister.kz/ru/news/kazakhstan-i-iran-namereny-uvelichit-vzaimnyy-tovarooborot-do-3-mlrd-26519> (accessed 15.05.2024)

²¹ Рост экспорта Ирана в Казахстан. *ParsToday*. 31.01.2024. <https://parstoday.ir/ru/news/iran-i-196598> (accessed 05.06.2024)

²² См.: <https://www.dw.com/ru/iran-i-uzbekistan-podpisali-rad-soglasenij-o-sotrudnicestve/a-65955519> (accessed 15.04.2024)

Членство Ирана в ШОС расширяет варианты внешнеполитических опций для Тегерана, дает возможность балансировать свои отношения с другими государствами. Иран может балансировать между Востоком и Западом, когда уровень системного давления со стороны последнего ослабевает, участвовать в формировании баланса интересов внутри ШОС. В ШОС может быть построена инклюзивная система взаимодействия участников, в рамках которой внутри большого многостороннего формата по мере необходимости могут создаваться малые форматы мультилатерализма, направленные на решение конкретных задач [13, с. 27].

Другим направлением сотрудничества может стать проведение регулярных совместных учений Ирана с Россией, Китаем, Индией, а также другими членами ШОС. Примером являются военно-морские учения Ирана, России и Китая «Морской пояс безопасности», состоявшиеся в 2023 и 2024 гг. Причем в учениях 2024 г. также принимали участие члены ШОС Казахстан и Пакистан, а также Азербайджан, Оман и ЮАР²³.

Еще одна важная задача для Ирана на внешнеполитическом поприще – укрепление международной легитимности Корпуса стражей исламской революции (КСИР). Легитимность КСИР была поставлена под сомнение Соединенными Штатами, когда в 2019 г. тогдашний президент США Д.Трамп объявил, что КСИР включен в официальный список иностранных террористических организаций²⁴.

В марте 2022 г. администрация Байдена рассматривала вопрос об исключении КСИР из списка террористических организаций в обмен на обязательство Тегерана по деэскалации ситуации в регионе. Позиция администрации Байдена заключалась в том, что, если Иран не согласится принять определенные меры по смягчению вопросов безопасности вне СВВД, США не будут снимать санкции с иранского Корпуса стражей исламской революции, потому что сами санкции выходят за рамки соглашения²⁵.

КСИР подчиняется непосредственно Верховному лидеру, и, как надежная вооруженная опора государственной власти, служит для поддержания внутреннего порядка. КСИР ведет наблюдение за враждебными силами в стране, а также разведывательную и контрразведывательную деятельность за рубежом. Необходимо отметить, что КСИР – это не только военизированные отряды, но и структура, которая пронизывает все слои общества, включая правительственных чиновников, преподавателей университетов, бизнесменов.

Основная идея «экспорта революции» состоит в том, чтобы мобилизовать все мусульманские страны на свержение коррумпированной государственной системы на основе общей воли. Согласно ст. 154 Конституции Ирана: «Исламская Республика Иран считает своим идеалом достижение счастья человека во всем человеческом обществе и рассматривает независимость, свободу, правление права и справедливости в качестве права всех народов мира. Поэтому Исламская Республика Иран, воздерживаясь от всякого вмешательства во внутренние дела других стран, поддерживает справедливую борьбу против угнетателей во всем мире»²⁶. В Тегеране считают, что успех исламской революции в Иране в построении стабильной политической и социальной системы дает определенные основания для дальнейших рассуждений о возможном экспорте подобной модели в другие страны [14, с. 98].

Приоритетность направлений сотрудничества Ирана со странами ШОС может быть разной, в т.ч. в зависимости от степени системного давления, оказываемого со стороны западных стран во главе с США. При сценарии интенсивного давления, который представляется наиболее вероятным с учетом возвращения Д.Трампа на пост президента Соединенных Штатов, Иран может активно использовать КСИР для противостояния внешним угрозам, защиты интересов национальной безопасности, обеспечения территориальной целостности и выживания страны.

В рамках ШОС логичным будет стремление Тегерана создать механизм регулярных совместных военных учений (включая многосторонние) с Китаем, Россией, Индией и другими странами, укрепить военное сотрудничество с Китаем и Россией, включая импорт систем вооружений, предложить совмест-

²³ <https://iz.ru/1663655/2024-03-12/v-omanskom-zalive-nachalis-voenno-morskie-ucheniia-rossii-kitaia-i-irana> (accessed 15.04.2024)

²⁴ Statement from the President on the Designation of the Islamic Revolutionary Guard Corps as a Foreign Terrorist Organization. <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/statement-president-designation-islamic-revolutionary-guard-corps-foreign-terrorist-organization/> (accessed 15.04.2024)

²⁵ Foil the Financiers of Iran's Terrorism. <https://www.wsj.com/articles/foil-the-financiers-of-irans-terrorism-revolutionary-guard-quds-sanctions-congress-deal-11651432838> (accessed 14.12.2024)

²⁶ The Constitution of The Islamic Republic of Iran. <https://irandataportal.syr.edu/constitutions-and-constitutional-debates> (accessed 15.04.2024)

ное строительство энергетической инфраструктуры, совместную разработку нефтегазовых ресурсов, сформировать устойчивую цепочку поставок энергоносителей и даже предложить создание энергетического альянса ШОС для борьбы с потенциальными рисками и вызовами, которые несет западная санкционная политика.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вступление Ирана в ШОС имеет все шансы стать значимой вехой в трансформации архитектуры международных отношений на евразийском пространстве. Новые возможности и варианты открываются как для самого Ирана, так и для всей ШОС в целом. С учетом обновленной конфигурации участников, предстоит активная работа над выработкой общих подходов стран ШОС по широкому кругу вопросов.

Несмотря на то, что Иран, Россия и Китай испытывают на себе внешне давление со стороны США, не стоит ожидать роста антиамериканизма в рамках ШОС как многосторонней платформы. Сотрудничество ШОС в области безопасности характеризуется открытостью, ненаправленностью против третьих сторон.

Необходимо также учитывать взаимопресечение интересов в сфере безопасности Ирана с интересами других государств – членов ШОС. Сотрудничество стран ШОС в области безопасности включает в себя не только сферу традиционной военной безопасности, но и вопросы ценностей и социокультурной идентичности. На сегодняшний день ШОС стала крупнейшей макрорегиональной организацией, которая охватывает часть Ближнего Востока, Центральную и Южную Азию. В этой связи очевидно, что членам ШОС необходимо и далее развивать совместные меры по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, противодействию распространению религиозного фундаментализма, этнической ксенофобии, фашизма и шовинизма.

Страны ШОС заинтересованы в сотрудничестве в политической, торгово-экономической, научной и гуманитарной сферах взаимоотношений. Внешнее давление на некоторых членов организации может влиять на некоторые из внешнеполитических задач ряда государств, входящих в организацию, но оно не определяет фундаментальные приоритеты и ценности стран, желающих сотрудничать на евразийском пространстве.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. 王生,李游.体系压力、国内政治与韩国外交政策保守化——基于新古典现实主义的解释.东北亚论坛, 2023, 32(05):65-83+127–128. [Wang Sheng, Li You. Systemic Pressure, Domestic Politics and the Conservatism of Korea's Foreign Policy: An Explanation Based on Neoclassical Realism. *Northeast Asia Forum*, 2023, 32 (05): 65-83+127–128.] (In Chin.). DOI:10.13654/j.cnki.naf.2023.05.005
2. 田文林.中伊关系:核协议签署带来新机遇.现代国际关系,2015,(12):4–6. [Tian Wenlin. China-Iran relations: The signing of the nuclear deal brings new opportunities. *Modern International Relations*, 2015, (12): 4–6.] (In Chin.)
3. Torbat A.E. Politics of oil and nuclear technology in Iran [M]. *Palgrave Macmillan*, 2020.
4. 约翰·J. 米尔斯海默、斯蒂芬·M. 沃尔特: 《以色列游说集团与美国对外政策》, 王传兴译, 上海人民出版社, 2009 年. [John J. Mearsheimer and Stephen M. Walter: *The Israel Lobby and United States Foreign Policy*, trans. Wang Chuanxing, Shanghai People's Publishing House, 2009.] (In Chin.)
5. Dehghani Firouzabadi S J, Damanpak Jami M. Economic diplomacy of the Islamic Republic of Iran in Central Asia; Evaluation of 25 years of economic relations between Iran and the republics after independence. *Scientific Quarterly of Central Asia and Caucasus Studies*. 2015, 22 (96): 25–66.
6. 唐志超.拜登政府的中东政策发展趋向.当代世界, 2021, (04):30–37. [Tang Zhichao. The Biden administration's Middle East policy development trend. *Contemporary World*, 2021, (04): 30–37.] (In Chin.). DOI:10.19422/j.cnki.dds.2021.04.005
7. 孙壮志.上合组织将在全球战略格局中扮演更重要角色.世界知识, 2022, (20):17-20. [Sun Zhuangzhi. The SCO will play a more important role in the global strategic landscape. *World Knowledge*. 2022, (20): 17–20.] (In Chin.)
8. Bar S. Iranian Defense Doctrine and Decision Making [M]. *IDC Herzliya, Lauder School of Government, Diplomacy and Strategy Institute for Policy and Strategy*, 2004.
9. 张畅.伊核问题中的伊朗大战略.战略决策研究, 2016,7 (05):35–67+102–103. [Zhang Chang. Iran's Grand Strategy in the Iranian Nuclear Issue. *Strategic Decision Research*. 2016, 7 (05): 35–67+102–103.] (In Chin.)

10. 梁朕朋. 上合组织区域公共产品供求关系与成员国合作秩序的演变. 国家安全论坛, 2023, 2(04):71–85+91–92. [Liang Zhenpeng. Supply and demand of public goods in the SCO region and the evolution of the cooperative order of member states. *National Security Forum*. 2023, 2 (04): 71–85+91–92.] (In Chin.)
11. Лян Ч. Китайский фактор развития ШОС в постэпидемический период. *Проблемы Дальнего Востока*. 2021. № 5. С. 31–44. DOI: 10.31857/S013128120016205–6
Liang Z. 2021. The Chinese factor in the development of the SCO in the post-pandemic period. *Far Eastern Studies*. № 5. Pp. 31–44.
12. Лян Ч., Козинец А.И. Институциональная трансформация Шанхайской организации сотрудничества после расширения: состояние, проблемы и перспективы. *Проблемы Дальнего Востока*. 2022. № 3. С. 28–42. DOI: 10.31857/S013128120020663–0
Liang Z., Kozinets A.I. 2022. Institutional Transformation of the Shanghai Cooperation Organization after Enlargement: Status, Problems and Prospects. *Far Eastern Studies*. № 5. Pp. 28–42.
13. Лян Чжэньпэн, Козинец А.И. Перестройка мультилатерализма и инклюзивное развитие ШОС. *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 3. С. 24–39. DOI: 10.31857/S013128120026259–5
Liang Z., Kozinets A.I. 2023. Restructuring of multilateralism and inclusive development of the SCO. *Far Eastern Studies*. № 3. Pp. 24–39.
14. 刘中民. 论霍梅尼外交思想与实践中的意识形态和国家利益. 西亚非洲, 2018, (04):86–107. [Liu Zhongmin. On the Ideology and National Interests in Khomeini's Thought and Practice of Diplomacy. *West Asia & Africa*. 2018, (04): 86–107.] (In Chin.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Лян Чжэньпэн, кандидат политических наук, заместитель заведующего центром по исследованию Узбекистана, Институт по исследованию Центральной Азии, Школа политологии и международных отношений, Ланьчжоуский университет, Ланьчжоу, КНР.

Liang Zhenpeng, PhD (Political Science), Deputy Head, Centre for Uzbekistan Studies, Institute for Central Asian Studies, School of Politics and International Relations, Lanzhou University, Lanzhou, China.

Козинец Андрей Игоревич, кандидат политических наук, доцент, Восточный институт, Школа региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия.

Andrei I. Kozinets, PhD (Political Science), Associate Professor, Oriental Institute, School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 09.10.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.11.2024

Принята к публикации
(Accepted) 18.01.2025